

Василий Буслаевич (8)

Уж как жил-де был Буслай до девяносто лет,
Девяносто лет, а зуба да во рту-ту нету ли.
С Новым городом Буслай нынче не споривал,
С мужиками-то ле со новгородскима.
Да состарилсе Буслай, дак всё преставилсе.
Оставалосе его дитя любимое,
Молодой де Васильюшко Буслаевич,
Со своей де со родной со матушкой,
Да с Мамельфой де нынче да Тимофеевной.
Стало Василею тепериче двенадцать лет,
Он по улочкам с ребятами побегивал,
Он ле шуточки-то шутил да нехорошия:
Кого хватит за руку, да руку выдернет,
Кого дернет за ножку, да ногу вывернет,
Голову-ту ударит, голова с плеча-то ле,
И бежит де ребёнок без головы домой.
Говорят тогда мужички новгородския:
— Не наполнить нам будет Новагорода дитями ли!
И приходили мужики ко Васильевой матушки:
— Ах ты го еси, Мамельфа да Тимофеевна,
Уж как сын-от твой шутит шуточки нехорошия,
Бесповинно калечит наших малых деточек,
Не наполнить будет нам нынче ведь Новгород.
И если не уймешь ты своего Ваську Буслаева,
То мы забросим ле Ваську да прямо в Волхово!
Дождалася его мамонька родимая,
Говорит ему она дак таково́ слово́:
— Уж ле что же ты, мой сын, бегашь да со ребятами?
Уж как шуточки ты шутишь да нехорошия,
Ай хотят де мужики бросить тебя в Волхово!
Ты бы лучше прибрал себе дружинушку,
А то долго ли тебя дак сбросить в Волхово!
Говорит ле тут ле Васенька Буслаевич:
— Я де мамонька тепериче послушаю.
И заваривал он пива, да пива пьяного,

Наварил он тепере да пива крепкого.
Наливает он бочки да сороковочки,
И как ставил он бочки да на круто крыльцо,
Сам садилсе за столы да за дубовыя,
И писал он ярлыки да скорописчаты,
И привязывал ко стрелочкам коленным,
И стрелял де он стрелочки по Новугороду.
А как люди были теперь в церквах во божиих,
Да пошли де из церквей по Новугороду,
Находили они стрелочки каленыя,
Находили на стрелочках те ярлыки,
Там написано Васильевым-Буслаевым,
Всех зовет себе на пир; дак тут идут к нему,
А идут к нему на пир дак всё стары и малыя.
Ай увидал де Василий да сын Буслаевич,
Говорил себе ле он дак таково́ словó:
— Не напоить мне будет весь дак Нов ле город-от!
Выходил Василий на круто крыльцо,
А и брал он ведь вяз дак во двенадцеть пуд,
Говорил-де ле сам дак таково слово:
— Если стерпит кто мой вяз дак буйну голову,
Тот ко мне зайдёт да и будет мой названой брат.
Говорят тогда мужики дак про себя собой:
— А не ўпито ле будет, да не уезжано!
А на век-то ле увечье да будет нажито!
Все пошли назад от Васеньки во Нов ле град.
А навстречу бежит им Костя Новоторжанин:
— Каково вы у Васьки упили, каково ўели?
— Мы не ўпили у Васьки да не ўели,
А на век только увечье да мы всё нажили.
Забегает тут Костя да на широкий двор,
Распахнул он тут бочку да с пивом крепкиим,
Да почерпнул он то пиво да полтора ведра,
Подносил-то к устам своим сахарным.
А и брал-де Васька да свой червлёный вяз,
А и бил-то он Костю-то буйну голову.
Устоял-де детина, да не ворохнетце.
Во руках его ли чарушка не сплещетце.
Говорит Васька ле Кости да Новоторженину:

— А и будь же ты мне, Костя, дле е милой друг.

Заводил он во свои-ти да во палатушки,
Ай садил его за столы-ти да за дубовыя,
Ай поил кормил его да нынче досыта.
Прибегает ко Васьки Потаня да хроменькой.
Распахнул де он бочку да сороковочку,
Почерпнул он тут пива да полтора ведра.
Подскочил де к Потане и ли всё хроменьку,
А и стал-то бить его вязом да по хромым ногам.
Устоял тут детина, да не ворохнетце.
Полна чарочка-то пива, да всё не сплещетце.
Заводил он Потаню да в свою свѣтлицу,
Ай садил его за столы-то да за дубовыя.
И прибежал на двор ко Васьки Фома горбатенькой.
Не сошел больше Васька да со крутá крыльца,
Только звал он Фому во свою во горницу.
И набрал Васька дружинушки двадцать деветь молодцов,
А ле сам-то стал над нима-ти тридцатыим.
Говорил Васька ле им нынче таково словó:
— Нам теперече боятьце да будет некого!

Цветно платье они носят да с одного плеча,
Пьют-едят-де ле с ним дак с одного стола.
Услыхали мужики новгородския,
Что прибрал-де как Васенька дружинушку,
Собирались они дак /в/ место тайноё,
Стали думать они думу, да думу крепкую,
Говорят сами промежду собой дак таково словó:
— Не задумал ли Васенька забрать под свои руки,
Под свои руки ле здесь да нынче Новгород?

Выходил ле тут на середь пола-то старчище,
А и стукнул он об пол трижды посохом.
Говорил сам ле слово, да слово мудроё:
— Накурить ведь надо нам да зелена вина,
И созвать нам надо ведь тепере Новгород.
А не будём только звать одного Ваську Буслаева,
Не придет на пир, то Васька мыслит зло на нас,
А придёт он к нам, то во хмелю дак он промолвитце.

Говорят тогда мужики новгородския:
— Что сказал старче, так и быть тому теперь.

Наварили они дак зелена вина,
Созывали на пир дак весь ле Новгород,
Не позвали только Васеньку Буслаева.
Услыхал Васька про пир мужиков новгородских
И пришел он ле к ним сам со дружиною.
— Ай здравствуйте, мужички вы да новгородския.
Тут ответ держат ему: «званому честь большая здесь,
А незваному — тому дак всё ле места нет».

А и сами между собою да усмехнулись,
И садилсе Васька да со дружиною,
За столы ти садились да за дубовыи.
Наливали мужики дак зелено вино,
А и сами говорят да таково словó:
— Кто дружит-де тепере да с Новым городом,
Тот пусть выпьет вина тепере да досуха.

И зашла о де ле хмель Василью да голову.
Говорил он мужичкам дак таково словó:
— Ай и жили вы, мужики новгородския,
А за мною ведь быть всему дак Нову городу.

Ай ответ держат мужики дак таково словó:
— Ай не быть-те за тобой дак Нову да городу,
Ты еще шибко молодой, дак сын Буслаевич,
А теперече тебе нет у нас места в городи.

Тогда стал-де Василий да на резвы ногí,
Да скричал сам Василий да громким голосом:
— Ай же вы, мужики теперь новгородския,
Уж я бьюся с вами дак о велик заклад:
Битьца-ратитьце со утра ле со раннего.

И положили они заповедь великую
Ай сходитьце им заутро да на побоище.
И ушел-де ле Васинька с пиру домой,
Рассказал он своей мамоньки родимоей:
— Завтре битися я буду со всем Новгородом.

А взяла сына за белые за рученьки,
Отвела она Василья да во глубок погрéб,
И спит Васенька ле там, дак не пробудитце.
Уж идти надо ле им бы да на побоище,
Собралися мужики дак как на Волхов ли мост,
А всё Васенька ле спит, дак не пробудитце.

И дружинушка вступила да как в смертный бой с мужиками то,
С мужичками ступили новгородскими.

(Вот и) бьютце-дерутце они дак час-другой с ними,

А все нету Васильюшка Буслаева.

А мужички ти попетили дружинушку.

У дружинушки все головы прощёлканы,

Ай кушаками головы у них перевязаны.

Тут говорят де мужики новгородские:

— Уж вы гой еси, дружинушка де Васькина!

Ай вас продал-то ведь Васька не за копейчку,

Еще что же, братцы, Васька да за дурак такой.

В это времё де Васькина служаночка,

За водой пошла она, да воду черпала,

Увидала побоище великое:

Мужики-ти де нынь новгородские

Ай попятили Васькину дружинушку,

А дружина-та увидала да тут служаночку,

Говорят сами они ей дак таково словó:

— Ты не выдай-ко ле нас дак на побоище,

Ты скажи-ко Василью, да пусть нас повыручит.

Ай побросала служанушка ведёрышка,

Побежала она скоро, да скоро-наскоро,

Прибегала к Василью тому де погребу,

Закричала сама дак зычным голосом:

— Ах ты гой еси, Василий, спишь, али так лежишь?

Ай твоя-то ле дружинушка бьетце ровно три часа,

А и головы-ти у них теперь прощёлканы,

Кушаками они да ле перевязаны.

Воспряну́л тогда от сна Васенька Буслаевич.

Он как выскочил тепере да вон на улицу,

Второпях-то ле не попала да сабля острая,

А попала ему-де ось тележная.

Побежал тогда на побоище великое,

Сам скричал-де Василий да громким голосом:

— А не я ведь вас выдал, мои всё ли братьяца,

А как выдала моя родима мамонька!

Уж вы сядьте-ко на скамеёчки, отдохните-кось,

Я один за вас тепере да поработаю!

И заходила тут ось его тележная

Ай по тем ли мужикам новгородским.
Где махнет ле Василей, да там всё улица,
Отмахнет-де ле Васька, да тут переулочёк,
И улóжил мужиков, дак ровно счету нет,
Приуныли мужики новгородскийи,
И повесили они дак буйны головы:

— От беды бы-к нам тепериче избавитьце,
Насыпали они дак чашу жемчуга,
Ай втору ту ле чашу да красна золота.
Сами шли де ко тому дак ко Ондронищу,
Со подарочками ему дак со великими:
— Ты уйми-ко се своего любимого крестничка,
Ты оставь кось нас теперь-де здесь на сэмена!

Тогда брал от них подарочки немалыйи,
И надел он на голову дак свою колокол,
И идет тут Ондронище на побоище.
Говорил ле сам таково ему слово-то:
— Уж ты стой-постой-ко се да ле всё детинушка,
Постоим мы еще, стоим, не хвастаем,
Ай воды тебе ле с Волхова не выпити,
В Новом городи тебе молодцов не выбити!

Отвечал ему тут Васенька Буслаевич:
— Ай гой еси, любимый да крестной батюшка,
Знать несет тебя сюда дак как лиха судьба,
А я не дал тебе ле яйца о Христова дни,
Так же дам же я тебе яйца о Петрова дни!

И ударил по колоколу осищём,
Загудела-то ле медь, да вся потрескала,
Присежаёт Ондронище ко сырой земли,
Заглянул тогда Василей-от под колокол.
А у Ондронища во лбу глаз видно, век не было ли,
Насыпали опять да чашу жемчуга,
А вторую-де чашу да красна золота,
Послали-де подарки да его матушки.
Говорили ей сами да таково слово:
— Ты Васильева а де матушка, Мамельфа Тимофеевна!
Уж уйми ко се своего сынá любимого,
Ты оставь хошь нас тепериче на сэмена,
А и рады мы платить да вам со хлебника,

Ай на каждой год с него дак вам по хлебику,
Ай со колачника платить дак по калачику,
А еще бы платить дак вам ле дани-выплаты.
Побежала тогда она скоро да на побоище,
На побоище побежала, да все на Волхов мост.
Ай, сама то ле тут думат-да думу крепкую:
— Спереди зайти, так ему ле да все ль прилюбитце?
Уж зайду-ко я создаи да добру ль молодцу!

И скочила назади на плечи молодецкия,
Говорила сама дак таково слово:
— Ты уйми-ко се, мой сын, дак ретивó сердцб,
Упусти-ко свои дак как руки белыя,
А оставь-ко мужиков теперь на сэмена.
Опускались у Василья да руки белыя,
Выпадала да его нынче ось тележная,
Говорил-де сам своей мамоньки родимой:
— Хорошо ты, моя мамушка, удумала,
Ты удумала, моя мамонька, сзадí зашла,
Ай взялася за плечí да молодецкия.
Ай если бы спереди ты зашла, я второпях тебя,
Второпях бы да я тебя, в озóрности,
И убил бы тебя за мужичка новгородския!

И мужики ти ле тут дак новгородскии
Ах с Василием тепере да помирился,
Помирился с Васильём и покорилися,
А и стали платить ему со хлебника,
А и стали платить дак со колачника,
А еще платить ему стали да дани-выходы.

(Запись Д. М. Балашова в декабре 1964 г., сделанной в с. Усть-Цильме (Коми АССР) от Василия Игнатъевича Лагеева, 69 лет)

Новгородские былины. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Издательство "Наука", Москва, 1978.